

УДК 821.161.1

Значение Фонвизина в истории русского литературного языка

Бибишева Ольга Николаевна

Аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций,
Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
443081, Российская Федерация, Самара, ул. Стара Загора, 76;
e-mail: obibisheva@mail.ru

Аннотация

Предмет – лингвистические аспекты творчества писателя XVIII столетия Фонвизина.

Тема – значение Фонвизина в истории русского литературного языка.

Цель статьи – обозначить вклад писателя в развитие русского литературного языка.

Методы исследования: индуктивный, описательный, контекстный, сопоставительный. В работе анализируются различные источники: драматические произведения, письма, журнальные статьи автора.

Область применения результатов – материалы исследования вносят вклад в историю изучения русского литературного языка, отечественной журналистики, стилистики и публицистики. Результаты исследования могут быть использованы в практике университетского преподавания данных курсов.

Ключевые слова

Фонвизин, русский язык XVIII века, лексикология, стилистика, публицистика.

Введение

В исследовании «Основные проблемы изучения образования и

развития древнерусского литературного языка» академик В.В. Виноградов называет период с начала-середины XVII в. до 80-90-х гг. XVIII

переходным этапом к образованию единых норм русского национально-литературного языка, условно говоря, «от Ломоносова до Радищева и Карамзина» [Виноградов, 1978, 150]. В истории развития и совершенствования русского литературного языка деятельность Фонвизина имеет большое значение. С одной стороны, произведения писателей ориентируются на систему литературного языка данного времени. С другой – применительно к ситуации XVIII в., связанной с возрастанием степени индивидуализации в словесном искусстве, нельзя не учитывать роль личного начала в формировании языка и общества в целом. Говоря об основных этапах истории русского языка, именно именем Фонвизина академик Виноградов начинает парадигму писателей XVIII столетия, сыгравших наиболее значимую роль в развитии русского литературного языка: «Фонвизин, Державин, Новиков, Радищев с разных сторон и в разных направлениях открывают литературе новые средства выражения и новые сокровища живого слова. Они производят сложную перегруппировку языковых элементов. Их творчество не уместится в рамки теории трех стилей. Возникает разрыв между формально-языковыми

схемами литературы и живой семантикой языка народного» [Там же, 48]. Ю.В. Сложеникина и А.В. Растягаев пишут: что специфика культурной ситуации XVIII в. обусловила тот факт, что писателям-просветителям приходилось быть одновременно и теоретиками, и практиками языка [Сложеникина, Растягаев, 2012, 214-215]. Именно такой прецедент и был создан литературной, публицистической, лингвистической деятельностью Фонвизина.

Языковая среда: семейное воспитание, учеба в гимназии

Индивидуальный стиль Фонвизина, соединение в нем славянизмов, галлицизмов, латино-немецких сочетаний, народного слова во многом было обусловлено происхождением, воспитанием и образованием писателя. Предок Фонвизина барон Петр Фонвизин, рыцарь-меченосец, в царствование Ивана Грозного во время войны с Ливонией был взят в плен. Его потомки скоро обрусели. Отец писателя, Иван Андреевич Фонвизин, служил в ревизион-коллегии, имел дом в Москве, недалеко от основанного тогда университета. Анализируя мотив дома в «Чистосердечном признании в

делах моих и помышлениях» Фонвизина, А.В. Растягаев делает вывод о его сюжетообразующем характере. С одной стороны, «автор «не знает» себя до шести лет, с другой – автобиографический герой изображен в тексте трехлетним младенцем, которого отнимают от кормилицы» [Растягаев, 2013, 140]. Тем более парадоксально звучит фраза: «В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного» [Фонвизин, 1959, II, 84]. Исследователь интерпретирует воспоминания Фонвизина следующим образом: «Молоко кормилицы, которого лишился младенец, соотнесено с грамотой, начавшей питать становящегося героя. Естественное начало питается пищей биологической, дух же жаждет Слова» [Растягаев, 2013, 141].

Именно в отчем доме родителями была создана литературная среда, в которой ребенок с младенчества мог приобщаться к русскому языку и художественному слову. Большое место в ней занимало домашнее чтение. В «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Фонвизин писал: «Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в русском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился

я с славянским языком, без чего русского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «Перестань молоть, – кричал он мне, – или ты думаешь, что богу приятно твое бормотанье?» Сего не довольно: отец мой, примечая изчитанного мною те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд изъяснять мне оные; словом, попечения его о моем научении были безмерны. Он, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал» [Фонвизин, 1959, 87].

Годы учебы в университете Фонвизин вспоминал с благодарностью, ибо «в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам.

Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на русский язык, достиг до юношеского возраста» [Там же, 88].

В годы учебы благодаря университетским преподавателям у сту-

дентов формировалось русское самосознание, безуспешными остались попытки латинизации университета. Ученый-русист А. Стричек делает вывод о становлении идеологического микрокосма русских, которые начинают понимать, что у них есть собственный национальный характер, образ мыслей и действий. Укрепляющаяся русская нация стала осознавать свое величие и жизненную силу. Появилось слово «славянин», зародилась новая философская концепция русской истории [Стричек, 1994, 33].

Проблема национального в первую очередь для Фонвизина была связана с языком. Обозначим значение Фонвизина в истории русского национального литературного языка.

Совершенствование языка комедии

Во-первых, имя Фонвизина в истории языка художественной литературы неразрывно связано с совершенствованием языка комедии. Н.А. Мещерский подметил использование Фонвизиним художественного слова в качестве социолингвистического маркера: Скотинин говорит о скотном дворе либо солдатской службе, Цыфиркин использует арифметические

термины, Кутейкин заимствует цитаты из Псалтири, речь Вральмана подчеркивает его нерусское происхождение [Мещерский, 1981, 174]. Можно утверждать, что драматург создал язык отечественной драмы, понимая ее как зеркало общества и человека. В драматических произведениях Фонвизин воспроизвел стихию живого русского слова, которым говорили дворянство, духовное сословие, разночинцы, крестьянство.

Уже в 60-е гг. XVIII в. перед отечественными писателями встал вопрос о степени точного воспроизведения крестьянских говоров в драматической литературе. Фонвизин первый в комедии «Корион» (1764) попытался придать местный колорит эпизодическому персонажу – крестьянину.

Приведем конкретные примеры стилизации.

На грамматическом уровне.

– Гоноратив – «форма вежливости», грамматическая категория, передающая отношение говорящего к лицу, о котором идет речь. У Фонвизина она имеет форму старинной уважительной частицы – *ста* и употребляется в прямой речи, придавая ей оттенок учтивости, вежливости:

*Оборони-ста бог! Здесь мало
ли людей?*

*Да что же то?.. Никак-ста
милости Твоей
Пришла zde вотцына боярска
не по нраву?*

[Фонвизин 1959, I, 7].

– разговорные формы частей речи:

*Перед себя она меня призвав-
ши, бает*

[Фонвизин 1959, I, 14].

*Платя-ста барину оброк в
указы сроки,*

*Бывают-ста еще другие с нас
оброки*

[Фонвизин 1959, I, 14].

На лексическом уровне.

– Диминутив. Образования с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной, экспрессивно окрашенной речи.

*С Москвы-ста к барину при-
слали письмецо*

[Фонвизин 1959, I, 6].

*Пожалуй-ста, хоть впредь из-
воль словцо замолвить*

[Фонвизин 1959, I, 15].

– стилистически сниженные значения слов:

*Нередко ездит к нам из города
гонец,*

*И в город старосту с собою он
таскает*

[Фонвизин 1959, I, 14].

– диалектизмы:

*Однако здесь вблизи, по ща-
стью моему,*

*Сказали мужики на первом мне
яму*

[Фонвизин 1959, I, 26].

– разговорные фразеологизмы:

*Да также-сто и здесь, от нас
неподалеку,*

*Тому уж года три бояриня жи-
вет*

[Фонвизин 1959, I, 7].

На фонетическом уровне – отражение местного цокающего произношения:

*Перед себя она меня призвав-
ши, бает,*

*Что будто-сто она и вашу ми-
лость знает*

[Фонвизин 1959, I, 14].

По замечанию П.А. Вяземского, в комедиях Фонвизина русское общество «в первый раз услышало на нашей сцене язык натуральный и остроумный» [Вяземский, 1880, 52]. При этом следует отметить отход писательской практики от теории трех стилей. Как отмечает А.М. Камчатнов, славянизмы, просторечие для Фонвизина не признак жанра, как для Ломоносова, «а средство точного выражения мысли» [Камчатнов, 2005, 381].

Практика перевода

Во-вторых, Фонвизин внес вклад в практику перевода. Шестнадцатилетний начинающий писатель вошел в русскую литературу именно как переводчик. В 1761 г. он опубликовал перевод книги Гольберга «Басни нравоучительные», а также очерк «Правосудный Юпитер» в журнале Хераскова «Полезное увеселение». В следующем году он напечатал несколько переводов в журнале профессора Рейхеля «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», перевел в стихах трагедию Вольтера «Альзира». Г.А. Гуковский отмечал, «текст перевода обнаруживает, что Фонвизин не только еще не вполне правильно понимал в это время французский язык, но и не совсем овладел свободной стихотворной речью. Очевидно, не художественные достоинства перевода (весьма скромные), а идейное содержание пьесы было причиной вызванного ею «шума»» [Гуковский, 1947, 153]. С того же 1762 г. начал печататься перевод Фонвизина политико-нравоучительного романа Террасона «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя Египетского» (4 части, 1762-1768).

Язык перевода, в оценке современных филологов, также далек от совершенства. Однако «семнадцатилетний Фонвизин упорно работает над своим языком, но еще не нашел ни своего стиля, ни своего понимания языковых проблем. Он ищет ощупью, экспериментирует, но читать его переводы трудно. Несомненный и довольно быстро осуществившийся (года в два) перелом в языке Фонвизина произошел в 1763-1764 гг., когда он стал работать под руководством и под явным влиянием Елагина, признанного в те годы мастера стиля» [Там же].

Кабинет-министр Елагина был центром кружка литераторов, который ставил своей целью создание и расширение репертуара русского театра. При этом группа единомышленников имела в виду создание национального репертуара за счет преимущественно переделки заимствованных с Запада пьес, «склонения их на наши нравы», замены чужого на русское. Поэтому основная тема, излюбленная в кружке, сатира против галломании, забвения национальных традиций.

В 1769 г. Фонвизин издает перевод повести Арно «Сидней и Силли, или благодеяние и благодарность», а также перевод поэмы в прозе Битобе «Иосиф». «Иосиф» – это лирическое

повествование на библейскую тему, выполненное Фонвизиним более совершенно, чем предшествующие работы. Язык «Иосифа» включает обширный субстрат «славенщины» в русской речи, носит торжественно-лирическую окраску, ритмически организован. В предисловии «От переводчика» Фонвизин говорит о Битобе как об авторе, известном всем знающим французский язык переводами Гомера. Очевидно, ссылка на авторитет Гомера и – имплицитно – на древнегреческий язык нужна Фонвизину, чтобы оправдать славянизированный язык своего перевода. Далее переводчик пишет: «Я весьма уверен, что б оно и в переводе на наш язык, конечно, понравилось, если б не знал я слабости сил моих и если б не встречались мне затруднения, о которых здесь нечто предложить намерен.

Все наши книги писаны или славенским, или нынешним языком. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в переводе таких книг, каков «Телемак», «Аргенида», «Иосиф» и прочие сего рода, потребно держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенский язык и сам собою ясен, но не для тех, кои в нем не упражняются. Следовательно, слог должен

быть такой, какового мы еще не имеем. «Телемак» переведен славенским, а в «Аргениде» нашел я много наших нынешних выражений, не весьма, кажется, сходственных с важностию сей книги. Итак, главное затруднение состояло в избрании слога. Множество приходило мне на мысль славенских слов и речений, которые, не имея себе примера, принужден я был оставить, бояся или возмутить ясность, или тронуть нежность слуха. Приходили мне на мысль наши нынешние слова и речения, весьма употребительные в сообществе, но, не имея примера, оставлял я оные, опасаясь того, что не довольно изобразят они важность авторской мысли.

Сколько возможно мне было, я старался, преодолевая сии затруднения, не удаляться от автора. Благоклонное принятие моего перевода почту я себе ободрением к продолжению трудов моих» [Фонвизин 1959, I, 443-444].

Фонвизинские переводы получили благосклонную оценку, рецензии и аннотации в современной автору журналистике. Язык его переводов считался образцовым. Так, в «Собрании лучших сочинений» (1762), издаваемом в России учителем Фонвизина, профессором Московского

университета по кафедре всеобщей и ученой истории Иоганном Готфридом Рейхелем, по поводу перевода «Сифа» читаем: «Не напрасный труд имел господин фон Визин в переводе на русский язык книги сея своим согражданинам... При толь великом множестве худых книг видно похвальное достоинство переводчика, когда избирает он нечто доброе, полезное и особенное... О знании его в немецком языке я уверен, а общество видело уже силу его в русском языке, как из различных опытов, так и из басен барона Гольберга. Может быть переведенные им на русский язык Овидиевы превращения будут большим еще доказательством его способности». Рейхель выражает удовлетворение не только языком, но и содержанием избранных Фонвизиним сочинений: эти книги подают молодым людям добрый пример, на природном языке распространяют науки и добродетель» [Берков, 1952, 153].

У истоков формирования публицистического стиля

В-третьих, Фонвизин стоит у истоков формирования публицистического стиля. Эта сторона многогранного таланта писателя связана прежде

всего с его журналистской деятельностью. В начале 60-х гг. при Московском университете вокруг Хераскова возникает кружок дворянской интеллигенции. Литераторы-журналисты начинают издавать журнал «Полезное увеселение» (январь 1760 – июнь 1762). Одним из его основных сотрудников был Фонвизин. Журнал ставит задачи: защищение добродетели, обличение пороков, увеселение общества. Другой журнал при университете – «Собрание лучших сочинений» (1762). Фонвизин с ним также сотрудничал в основном как переводчик. В январе 1769 г. вышел из печати журнал «Всякая всячина». Исследователи считают, что под именем Фалалея в нем публиковался Фонвизин. В 1769-1770 гг. в типографии Академии Наук издавался журнал «Трутень». Его автором также был Фонвизин. В 1770 г. в «Пустомеле» публикуется фонвизинское вольнодумное «Послание к слугам». С середины апреля 1772 г. Новиков выпускает еженедельный сатирический журнал «Живописец». В 15-м номере вновь появляется литературный образ Фалалея, печатается цикл писем к нему. П.Н. Берков доказал, что эти письма принадлежат перу Фонвизина [Там же, 287]. Журнал «Собеседник любителей русского

слова» выходил с июня 1783 по сентябрь 1784 г. В 3-м номере помещены вопросы анонимного автора (Фонвизина) к Екатерине II и ответы на них. Еще одно направление журнала – филологические исследования. В 1783 г. была создана Российская Академия, которую возглавляла Е. Р. Дашкова. Цель нового издания – помочь Российской Академии в создании академического словаря русского языка. В 4-м номере выходит «Опыт российского сословника». Еще одно произведение Фонвизина – «Всеобщая придворная грамматика» – было приготовлено, но не напечатано.

Фонвизин стоит у истоков персонального журнализма. В 1788 г. им было подготовлено, но по цензурным соображениям не получило разрешение к печати издание «Друг честных людей, или Стародум». В заголовок Фонвизин выносит надпись: «периодическое сочинение, посвященное истине». Фонвизин развивает эпистолярный жанр, желая публиковать переписку Стародума с различными корреспондентами. Одна из статей Фонвизина ставит вопрос о причинах слабого развития в России ораторского искусства. Говоря о том, что монархически-крепостническое государственное устройство России

является причиной отсутствия красноречия, он убежден: «Какого рода и силы было бы российское красноречие, если бы имели где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих». Фонвизин считает, что в России нет ситуаций, где победа красноречия была бы оценена по достоинству. В противном случае российские риторы Прокопович, Ломоносов, Елагин, Поповский ничуть бы не уступали славе Демосфена и Цицерона [Там же, 358].

Характерные особенности публицистических произведений: актуальность проблематики, политическая страстность и образность, острота и яркость изложения – сложились во много именно в журнальных статьях Фонвизина. Несмотря на возможность цензурного преследования, как никто другой, писатель прилагал огромные усилия с целью воздействовать печатным словом на разум и чувства человека. В языке фонвизинской публицистики Э.Л. Афанасьев усматривает наследие древнерусской словесности, черты высоких древнерусских памятников и учительных поучений. Следуя знаменитым «Словам», в «Рассуждении о непременных государственных законах» он «двигаем гневом, он ды-

шит негодованием и эта его запальчивость – от невозможности что-либо исправить... от недейственности своих слов... Фонвизин не умеет быть спокойным. Он один из самых страстных наших писателей, его речь мигом воспламеняется, он пишет пламенно, с жаром» [Афанасьев, 2005, 545-546]. Сложные синтаксические конструкции, вопросительные формы, синтаксический повтор, ряды однородных членов, анафора, синтаксический параллелизм, неполные предложения, метафора, метонимия, эпитеты, фразеологизмы, абстрактная лексика общественно-политического значения, оценочная лексика – все эти компоненты публицистического стиля находим даже в небольшом отрывке из рассуждения писателя: «Посвятить жизнь свою военной службе, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и неведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? Лестно ль быть судьей, когда правосудным быть не позволено? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимают одним примышлением средств к обогащению. Кто может – грабит, кто не может – крадет,

и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откуп, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякий спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим» [Фонвизин, 1959, II, 257].

Фонвизин-журналист стоит у истоков речевого жанра интервью, то есть разговора с социально значимой личностью по актуальным вопросам. В 3-й книжке «Собеседника» за 1783 г. были опубликованы фонвизинские «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» и ответы Екатерины II на них. За внешне дерзкими или наивными вопросами о дурном воспитании дворян, о награждении чинами «шутов» скрывались серьезные политические проблемы. «Вос-

пользовавшись печатной площадкой нового журнала, Фонвизин намеревался открыть дискуссию о русской политической системе, вернее, об ее отсутствии, чреватом неустойчивостью, шаткостью власти. Писателя волновало отсутствие в стране «фундаментальных законов» ... Нет законов – нет и «духа» цивилизации, то есть сложившейся системы установлений, привычек, норм быта, парадигм развития общества» [Проскурина, 2010, 126].

Впервые в истории печатного слова в России возник идейный и стилистический диссонанс: Фонвизин предлагал читателям серьезный разговор о гражданском обществе, апеллировал к весьма узкому, но все-таки формирующемуся общественному мнению, а императрица на страницах журнала создавала российскую модель галантного придворного общества по французскому образцу, пыталась утвердить новую культурную парадигму, новый культурный язык. Тем не менее, итогом этой косвенной беседы просветителя и императрицы стал публичный диалог общества и власти: Екатерина не сочла возможным проигнорировать злободневные вопросы, хотя и ответила на них в новом, предложенном ей, типе пу-

блицистического дискурса – легком, игровом, ироничном, не нагруженном серьезным материалом.

Развитие эпистолярного стиля

В-четвертых, имя Фонвизина связано с развитием эпистолярного стиля в русском языке, то есть стилистических особенностей посланий как одного из разновидностей письменной литературной речи. Значительный объем второго тома собрания сочинений (1959) составляют его письма к родным, П.И. Панину, Я.И. Булгакову, И.П. Елагину, А.М. Обрескову, С.С. Зиновьеву и др. В отличие от предшествующих традиций (античной, средневековой), развитие эпистолярного жанра в XVIII в. проходило под знаком идей Просвещения, борьбы с невежеством, человеческими пороками, внимания к социальным вопросам. Фонвизин придал жанру письма новый смысл и форму: он стал предельно актуальным, острым, злободневным, публицистичным.

Переписка Фонвизина имеет большое значение не только в культурно-историческом отношении, но и в собственно языковом. Текст письма для талантливого автора – это своеобразная лаборатория, в которой

оттачиваются обороты речи, индивидуальный слог, понятия, обогащающие впоследствии общелитературный национальный язык.

Стилеобразующей чертой письма является учет автором корреспонденции личности, интересов, взглядов, социального статуса адресата, поэтому послания одного пишущего различаются по тематике, стилю, тональности. Так, в письме к родным Фонвизин пишет: «Первый город Ландо, крепость знатная. При въезде в город ошибла нас мерзкая вонь... о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, – все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окна не отворяет. Наконец приехали мы в Страсбург. Город большой, дома весьма похожи на тюрьмы, а улицы так узки, что солнце никогда сих грешников не освещает. Правду сказать, что в сем городе для вояжеров много есть примечательного. Мы видели мавзолею du Marechal de Saxe – верх искусства человеческого. При нас была отправляема у них панихида по всем усопшим, то есть наша родительская. Великолепие было чрезвычайное. Я с женою от смеха насилу удержался, и мы вышли из церкви. С непривычки их церемония так смешна, что треснуть надобно. Архиерей

в большом парике, попы напудрены, словом – целая комедия. Между прочими вещьми примечательна в Страсбурге колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ее престашина, она же вся сквозная и дырчатая, так что, кажется, всякую минуту готова развалиться» [Фонвизин 1959, II, 416-417]. Письмо включает в большом количестве просторечную, оценочную лексику, сниженные эпитеты, разговорную фразеологию, бытовые сравнения, разговорные вводные конструкции, афористику, книжные слова намеренно употребляются в ироничном значении. Письменный текст настолько иллюстративен, зрим, осязаем, что у адресата создается полное впечатление участника, созерцателя событий, описанных талантливым автором.

В то же время в письме к генерал-аншефу и сенатору П.И. Панину Фонвизин выдерживает все признаки эпистолярного стиля официальной корреспонденции: обязательное соблюдение речевого этикета, отражающего характер переписки, статус корреспондентов, этикетные формулы: «Получа на сих днях радостное для всех россиян известие о разрешении от бремени ее императорского высочества, приемлю смелость при-

нести вашему сиятельству низжайшее поздравление с благополучным происшествием, утверждающим благосостояние отечества вашего.

Я имел честь получить милостивое письмо ваше от 13 ноября, за которое приношу вашему сиятельству покорнейшее благодарение. Сообщение мне ваших, на истине основанных и проницанием извлеченных, рассуждений произвело во мне о самом себе лестное заключение. Признаюсь, милостивый государь, что я больше сам себя почитаю, видя, что особа наших достоинств и заслуг считает меня способным вкусить толь разумную беседу.

Удовольствие, изъявляемое вашим сиятельством о примечаниях моих на представляющиеся в путешествии моем любопытные предметы, почитаю я знаком вашей ко мне милости. Будучи оным весьма много ободрен, осмеливаюсь продолжать здесь отчет мой вашему сиятельству о том, что здесь вижу и какие рассуждения рождает видимое мною» [Фонвизин, 1959, II, 461]. В тексте письма много этикетных формул, подчеркивающих уважение и почитание автором письма своего собеседника, значительный пласт старославянизмов, книжных слов, слов с суффиксами субъектив-

ной оценки, превосходной степени, перифраз, калек. Сложен синтаксис письма: многочисленные обращения, осложненные конструкции, инверсия.

Современники Фонвизина считали его специалистом в жанре посланий, а его литературный недруг, поэт А.С. Хвостов, написал даже против него сатирическое «Послание к творцу посланий».

Пуризм Фонвизина

В-пятых, языковая и литературная деятельность Фонвизина связана с очищением русского языка от заимствований. В 1766 г. им была написана комедия «Бригадир». Фонвизина пугает опасность увлечения дворянства всем западным, наносная «европеизация» быта. Он нападает на галломанию, на презрение молодых дворян к отечественной культуре, к родному языку. Замысел комедии Фонвизина – пропаганда идеи национальной самобытности культуры, гражданского самосознания, подлинного просвещения, национального языка. Фонвизин очарован разговорным языком, он наблюдает практику языка, подслушивает живую речь. В художественном творчестве Фонвизин бережно сохраняет устную речь – от фонетики до

фразеологии. Для писателя мастерство художественного слова – это возможность создать реальность фактической языковой практики его эпохи.

«Фонвизин был величайшим мастером языка. Он знал русский язык и умел им пользоваться, как никто другой в XVIII в., во всяком случае, до Карамзина. Сочность, яркость, образность его речи беспримерны», – такова одна из оценок роли писателя в развитии и совершенствовании русского литературного национального языка [Гуковский, 1947, 198].

Заключение

Литературная и языковая деятельность Фонвизина пришлась на переходный период образования единых норм русского национально-литературного языка. Индивидуальный стиль Фонвизина, соединение в нем славянизмов, галлицизмов, латинских, немецких, народных русских слов обусловлено семейным воспитанием и изучением языков в гимназии при Московской университете.

В истории языка художественной литературы имя Фонвизина связано с совершенствованием языка комедии, с использованием им художественного слова в качестве социолингвистическо-

го маркера. В драматических произведениях Фонвизин воспроизвел стихию живого русского слова, которым говорили дворянство, духовное сословие, разночинцы, крестьянство.

Фонвизин внес вклад в практику перевода. Язык его переводов считался образцовым.

Фонвизин стоит у истоков формирования публицистического стиля. Талант писателя распространился и на журналистскую деятельность. Фонвизин стоит у истоков персонального журнализма. Характерные особенности его публицистических произведений: актуальность проблематики, политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Фонвизин-журналист заложил основы речевого жанра интервью.

Имя Фонвизина связано с развитием эпистолярного стиля в русском языке. Переписка Фонвизина имеет большое значение не только в культурно-историческом отношении, но и в собственно языковом. Фонвизинские эпистолярные тексты – это своеобразная лаборатория, в которой оттачиваются обороты речи, индивидуальный слог, понятия, обогащающие впоследствии общелитературный национальный язык. Стилеобразующей чертой письма является учет автором

корреспонденции личности, интересов, взглядов, социального статуса адресата.

Языковая и литературная деятельность Фонвизина связана с очищением русского языка от заимствований. Он нападает на галломанию,

на презрение молодых дворян к отечественной культуре, к родному языку. Замысел Фонвизина – пропаганда идеи национальной самобытности культуры, гражданского самосознания, подлинного просвещения, национального языка.

Библиография

1. Афанасьев Э.Л. Теперь представим себе государство... (Вопросы национального самопознания в творчестве Д.И. Фонвизина) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 517-549.
2. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1952. – 572 с.
3. Бриллиант С.М. Фонвизин: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. – СПб.: Общественная польза, 1892. – 98 с.
4. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избр. тр. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
5. Вяземский П.А. Собрание сочинений. В 12 т. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880. – Т. 5. – 371 с.
6. Гуковский Г.А. Фонвизин // История русской литературы. – Л.: 1947. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 152-205.
7. Истомин В.А. Главнейшие особенности языка и слога произведений Н.В. Гоголя, Д.И. Фонвизина и В.А. Озерова в лексической, этимологическом, синтаксическом и стилистическом отношениях. – Варшава: Варшавский учебный округ, 1897. – 139 с.
8. Камчатнов А.М. История русского литературного языка, XI – первая половина XIX века. – М.: Академия, 2005. – 688 с.
9. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: ЛГУ, 1981. – 279 с.

10. Проскурина В.Ю. Спор о «свободоязычии»: Фонвизин и Екатерина // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 5. – С. 125-144.
11. Растягаев А.В. Границы автобиографического текста Д.И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» // Язык. Словесность. Культура. – 2013. – № 2-3. – С. 135-155.
12. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Житие канцлера Франциска Бэкона: биография Ф. Бэкона в уникальном переводе Василия Тредиаковского (1760 г.). Василий Кириллович Тредиаковский как мыслитель и переводчик. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 232 с.
13. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи просвещения. – М.: Прометей, 1994. – 512 с.
14. Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собрание сочинений: в 2 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 7-461.

The role of Fonvizin in the history of Russian literary language

Bibisheva Ol'ga Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of Philology and Mass Communication,
Samara branch of the Moscow City Teacher Training University,
76 Stara Zagora str., Samara, 443081, Russian Federation;
e-mail: obibisheva@mail.ru

Abstract

Creative life of Fonvizin is of a great importance in the history of the development and improvement of the Russian literary language. On the one hand, the works of writers are guided by a system of literary language of particular time. On the other – with respect to the situation of the XVIII century, associated with an increase in the degree of individualization in the art of literature, one cannot ignore the role of the personal principle in the formation of language and society in general.

Individual style of Fonvizin, its combination of Church Slavonicisms, Gallisms, Latin-German phrases, national word was largely conditioned by origin, upbringing and education of the writer.

Correspondence of Fonvizin counts for much not only in cultural and historical terms, but also in linguistic. Text of a letter to talented author is a kind of laboratory in which polish the figures of speech, individual style, concepts, subsequently enriching common-literary national language.

Keywords

Fonvizin, Russian language of the 18th century, lexicology, stylistics, journalism.

References

1. Afanas'ev, E.L. (2005), Now we will imagine the state (Questions of national self-cognition in the works of D.I. Fonvizin) [Teper' predstavim sebe gosudarstvo... (Voprosy natsional'nogo samopoznaniya v tvorchestve D.I. Fonvizina)], in *Russian literature as a form of national self-consciousness in the XVIII century* [Russkaya literatura kak forma natsional'nogo samosoznaniya. XVIII vek], Moscow: IMLI RAN, pp. 517-549.
2. Berkov, P.N. (1952), *History of Russian Journalism in the 18th Century* [Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII veka], Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 572 p.
3. Brilliant, S.M. (1892), *Fonvisin: his life and literary activities. Biographical sketch* [Fonvizin: Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. Biograficheskii ocherk], Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 98 p.
4. Fonvizin, D.I. (1959), Confession in my doings and thoughts, [Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomyshleniyakh], in *Collected Works in 2 vols.* [Sobranie sochinenii. V 2 t.], Moscow; Leningrad: GIKhL, pp. 7-461.
5. Gukovskii, G.A. (1947), Fonvizin [Fonvizin], in *History of Russian literature* [Istoriya russkoi literatury], Vol. 4, Part 2, Leningrad, pp. 152-205.
6. Istomin, V.A. (1897), *The principal features of the language and phrasing of the works of N.V. Gogol, D.I. Fonvisin and V.A. Ozerov in lexical, etymological, stylistic*

- tic and syntactic aspects* [*Glavneishie osobennosti yazyka i sloga proizvedenii N.V. Gogolya, D.I. Fonvizina i V.A. Ozerova v leksicheskoi, etimologicheskoi, sintakicheskoi i stilisticheskoi otnosheniyakh*], Warsaw: Varshavskii uchebnyi okrug, 139 p.
7. Kamchatnov, A.M. (2005), *History of Russian literary language of XI – first half of XIX century* [*Istoriya russkogo literaturnogo yazyka, XI – pervaya polovina XIX veka*], Moscow: Akademiya, 688 p.
 8. Meshcherskii, N.A. (1981), *History of Russian literary language* [*Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*], Leningrad, LGU, 279 p.
 9. Proskurina, V.Yu. (2010), Dispute about "freedom of speech": Fonvizin and Catherine [Spor o "svobodoyazychi": Fonvizin i Ekaterina], *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 5, pp. 125-144.
 10. Rastyagaev, A.V. (2013), The boundaries of the autobiographical Fonvizin's text "Confession in my doings and thoughts" [Granitsy avtobiograficheskogo teksta D.I. Fonvizina "Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomysleniyakh"], *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura (Language. Philology. Culture)*, No. 2-3, pp. 135-155.
 11. Slozhenikina, Yu.V., Rastyagaev, A.V. (2012), *Life of the Chancellor Francis Bacon: biography of Francis Bacon in a unique translation by Trediakovsky Basil (1760). Basil K. Trediakovsky as a thinker and translator* [*Zhitie kantslera Frantsiska Bekona: biografiya F. Bekona v unikal'nom perevode Vasiliya Trediakovskogo (1760 g.). Vasili Kirillovich Trediakovskii kak myslitel' i perevodchik*], Moscow: LIBROKOM, 232 p.
 12. Strichek, A. (1994), *Denis Fonvisin. Russian Enlightenment* [*Denis Fonvizin. Rossiya epokhi prosveshcheniya*], Moscow: Prometei, 512 p.
 13. Vinogradov, V.V. (1978), *History of Russian literary language. Selected Works* [*Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbr. tr.*], Moscow: Nauka, 320 p.
 14. Vyazemskii, P.A. (1880), *Collected Works in 12 vols.* [*Sobranie sochinenii. V 12 t.*], Vol. 5, Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 371 p.